

[Первая поездка Ильи Муромца] (3)

Не сырой дуб к земле клонится,
Ни бумажныи листочки расстилаются:
Расстилается сын перед батюшкой,
Он и просит сее благословеньица:
— Ох ты гой еси, родимой, милой батюшка!
Дай ты мне свое благословеньицо,
Я поеду в славной стольной Кеев-град
Помолиться чудотворцам кеевским,
Заложиться за князя Володимира,
Послужить ему верой-правдою,
Постоять за веру хресьянскую.

Отвечат старобй хресьянин Иван Тимофеевич:
— Я на добрые дела тее благословенье дам,
А на худые дела благословенья нет.
Поедешь ты путем и дорогою,
Ни помысли злом на татарина,
Ни убей в чистым поле хресьянина.

Поклонился Илья Муромец отцу дб-земли,
Сам он сел на добра коня,
Поехал он во чисто поле.
Он и бьет коня по крутым бёдрам,
Пробиват кожу до черна мяса;
Ретивобй ёго конь осержается,
Прочь бт земли отделяется,
Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже оболока ходячего.
Первой скок скочил на пятнадцать верст,
В другой скочил, колодезь стал;
У колодезя срубил сырой дуб,
У колодезя поставил часовенку,
На часовне подписал сво имичко:
«Ехал такой-то сильной, могучой богатырь,
Илья Муромец сын Иванович»;
В третий скочил — под Чернигов-град.
Под Черниговым стоит сила — сметы нет;

Под Черниговым стоят три царевича.
С кажным силы сорок тысячей.
Богатырско сердце разгóрчиво и неуёмчиво,
Пушше огня-огничка сердце разыграется,
Пушше пляштову мороза разгорається.
Тут возгóворит Илья Муромец таково слово:
— Не хотелось было батюшку супротивником быть,
Ишша знать-та ёго заповедь переступить.

Берет он в руки саблю боёвую,
Учал по силушке погуливать:
Где повернется, делал улицы,
Поворотится — часты плошшади,
Добиваетца до трих царёвичов.
Тут возгóворит Илья таково слово:
— Ох вы гой естя, мое три царевича!
Во полон ли мне вас взять,
Ай с вас буйны головы снять?
Как в полон мне вас взять, —
У меня дорóги заезжие и хлебы завóзныи,
А как головы снять, — царски сэмины погубить.
Вы поедьте по свым местам,
Вы чините везде такову славу́,
Што святая Русь не пустá стоит,
На святой Руси есть сильны́-могúчи богáтыри.

Увидал ёго воевода черниговской:
— Што эта господь сослал нам за сослальника!
Очистил наш славной Чернигов-град.

Возгóворит воевода свым князьям-бóрям:
— Подите, позовите дóбра мóлодца
Ко мне хлеба-соли кушати.

Пошли тут князи-бóря к Муромцу:
— Ох ты гой еси, дородной доброй мóлодец,
Как тея честным íменем зовут,
Как тея величают по отечеству?
— Меня именем зовут — Илейкой,
А величают — сын Иванович.

Возгóворят ему князи-бóря:
— Ох ты гой еси, Илья Муромец!
Ты пойдешь-ка к воеводе нашему,

Ты изволь у нёго хлеба-соли кушати.

— Нейду я к воеводе вашему,
Не хочу у нёго хлеба-соли кушати;
Укажите мне прямую дороженьку
На славной стольной Кеев-град.

Ответ держат князи-бóря:

— Ох ты гой еси, Илья Муромец!
Пряма дорожка не проста стоит:
Заросла дорога лёсы Брынскими,
Протекла тут река Самородина;
Ишшó на дороге Соловейко-разбойничик
Сидит на тридевяти дубах, сидит тридцать лет.
Ни конному ни пешому пропуску нет.

Поклонился им Илья Муромец,
Поехал он лесами Брынскими.
Услыхал Соловейко богатырской топ
И свиснул он громким голосом.
Конь под Муромцом спотыкается.
Возгóворит Илья своему коню доброму:
— Ох ты гой еси, мой богатырской конь!
Аль не езживал ты по тёмным лесам,
Аль не слыхывал пташьего пóсвисту?

Берет Илья калёны стрелы:

Перво стрéлил, не дострелил,
А вдругóридь — перестрелил,
В третьи стрéлил, попал в правой глаз,
И сошиб ёго с тридевяти дубов,
Привязал ёго к коню во кáраки;
Поехал Муромец в славной Кеев-град.
Возгóворит Соловейко-разбойничик:
— Ох ты гой еси, Илья Муромец!
Мы заедем-ка с тобою ко мне в гости.

Увидала Соловейкина мáла дочь:

— Ишша вон едет наш батюшка,
Ведет кривого мужика [у] коня в кáраках.

Взглянула Соловейкина большая дочь:

— Ах ты дура не повíтая! Это едет доброй мóлодец,
И ведет нашего батюшка коня в кáраках.

И бросилíсь они на Илью Муромца с дрéкольем.

Возгóворит Соловейко-разбойничик:

— Не тумашíteся, мое малы́ детушки,
Не взводите в задор дóброго мóлодца.

Возгóворит Илья Соловейке-разбойнику:

— Што у тея дети во единой лик?

Отвечат Соловейко-разбойничик:

— Я сына-та выросшу, за нёго дочь отдам,
Дочь-ту выросшу, отдам за сына,
Штобы Соловейкин род не перевóдился.

За досаду Илье Муромцу показалось,
Вынимал он саблю свою вострую,
Прирубил у Соловья всех детушок.
Приехал Илья Муромец во Кеев-град,
И вскричал он громким голосом:

— Уж ты батюшка Володимир-князь!
Тее на́да ль нас, принимаешь ли
Сильных могучих богáтырей,
Теё, батюшка, на почёсь-хвалу,
Твому граду стольному на íзберечь,
А татаровьям на посéченье?

Отвечат батюшка Володимир-князь:

— Да как мне вас не нады-та!
Я везде вас ишшу, везде спрашиваю,
На приезде вас жалую по добру́ коню,
По добру́ коню, по латынскому, богатырскому.

Возгóворит Илья Муромец таково слово:

— У меня свой конь латынской, богатырской;
Стоял я с родимым батюшкой у заутрени,
Хотелось постоять с тобой у обеденки,
Да на дороге мне было три помешиньки:
Перва помеха — очистил я Чернигов-град;
Другá помеха — я мостил мосты на пятнадцать верст
Через ту реку, через Самородину;
Третья помеха — я сошиб Соловья-разбойника.

Возгóворит сам батюшка Володимир-князь:

— Ох ты гой еси, Соловейко-разбойничик!
Ты взойди ко мне в полату белу-ка́менну.

Ответ держит Соловейко-разбойник:

— Не твоя слуга, не тее служу, не тея и слушаю,

Я служу и слушаю Илью Муромца.

Возгóворит Володимир: — Ох ты гой еси, Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!

Прикажи ёму взойти в полату белу-ка́менну.

Приказал ему взойти Илья Муромец.

Тут возгóворит Володимир-князь:

— Ох ты гой еси, дородной доброй мóлодец,
Илья Муромец сын Иванович!

Прикажи ёму свиснуть громким голосом.

Возгóворит Илья Муромец таково слово:

— Уж ты батюшка наш Володимир-князь!

Не во гнев бы тее, батюшка, показалось:

Я возьму тея, батюшку, под пазушку,

А княиню-ту закрою под дру́гою.

И говорит Илья Муромец таково слово:

— Свисни, Соловейко, в пóлсвиста.

Свиснул Соловейка во весь голос:

Сняло у палат верьх по оконички.

Разломало все связи железныя,

Попадали все сильны могúчи богáтыри,

Упали все знатны князи-бóря,

Один устоял Илья Муромец.

Выпушшал он князя со княиней из-под пазушок.

Возгóворит сам батюшка Володимир-князь:

— Исполать тее, Соловейко-разбойничик!

Как тея взял это Илья Муромец?

Ответ держит Соловейко-разбойничик:

— Видь на тó пору больно пьян я был,

У меня большая дочь была именинница.

Это слово Илье Муромцу не показалось:

Взял он Соловейку за вершиночку,

Вывел ёго на княженéцкой двор,

Кинул ёго выше дерева стоячего,

Чуть пониже оболока ходячего,

До сырóй земли допускывал — ино подхватывал,

Расшиб Соловейко свое все тут косточки.

Пошли теперь к обеду княженецкому.

Возгóворит сам батюшка Володимир-князь:

— Ох ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!

Жалую тея трёмя я мёстами:

Пёрво место — подле меня ты сядь,

Друго место — супроті меня,

Третье — где ты хочешь, тут и сядь.

Зашел Илья Муромец со кóнничка,

Пожал он всех князей и бóярей

И сильных могúчих богáтырей:

Учутился он супроті князя Володимира.

За досаду Олеше Поповичу показалось:

Взял Олеша булатной нож,

Он и кинул ёго в Илью Муромца:

Пымал на полету́ Илья булатный нож,

Взоткнул ёго в дубовой стол.

(Записано Е. Фаворским в селе Павлово Нижегородской губ.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I. М., 1860.